

САДОВЫЕ ТЕРРАСЫ РУБЕЖА XV–XVI вв. В ДАРВАЗЕ, ТАДЖИКИСТАН

© 2023 г. Л. О. Смирнова*

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

*E-mail: smirnova@hermitage.ru

Поступила в редакцию 14.01.2022 г.

После доработки 05.09.2022 г.

Принята к публикации 11.10.2022 г.

Дарвазский археологический отряд под руководством Ю.Я. Якубова в 2012–2014 гг. обследовал памятник Калаи Кухна (Карон) в Южном Таджикистане. Значительная часть местности, ограниченной с севера и юга возвышенностями с террасами, представляет собой остатки средневекового террасного парка, вокруг следующих архитектурных объектов: центральный мавзолей (условное название “Панчманор”); еще один мавзолей (“айванный дом”) в западной части объекта; дворец на вершине южной возвышенности; углубленный ниже уровня дневной поверхности сад с каменными стенами и ведущей к нему лестницей; расположенная рядом с садом винодавильня с каменным прессом. Отдельные находки, в том числе монеты, позволяют предположить, что территория обживалась с первых веков н.э. В целом же парковые террасы относятся к верхнему периоду обживания памятника и, судя по особенностям сохранившихся конструкций, самой ранней датой их создания можно назвать рубеж XV–XVI или начало XVI в. Объект имеет сходство со многими садово-парковыми комплексами тимуридского периода и садами Великих Моголов.

Ключевые слова: Дарваз, Калаи кухня, Карон, тимуридский сад, могольский сад, чор-баг.

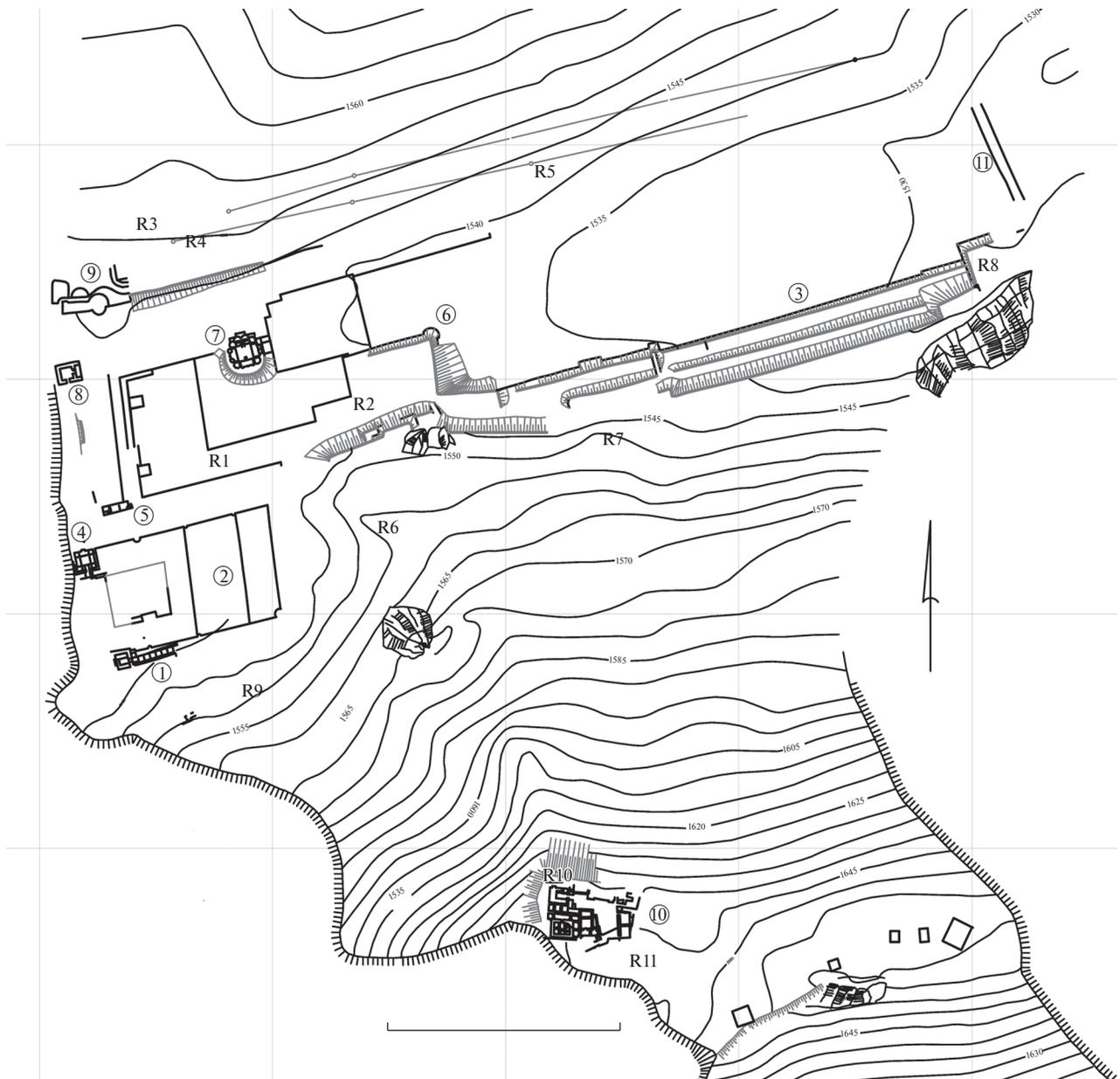
DOI: 10.31857/S0869606323010191, **EDN:** MCQTUV

Археологический памятник Калаи Кухна (Карон) находится в Дарвазском р-не Горно-Бадахшанской обл. Республики Таджикистан, в 2 км к востоку от кишлака Рузвай и в 8,5 км от районного центра, г. Калаи-Хумб. Он занимает склон горы, небольшую долину и холм в излучине р. Пяндж, напротив долины впадающей в Пяндж р. Джавай (на территории Афганистана). Расположен памятник на высоте 1500–1600 м над уровнем моря. Возможно, что в сочинениях арабских авторов с IX в. это место упоминается под названием “Карон” (Камалидинов, 1996. С. 212–215).

Дарвазский археологический отряд под руководством академика АН Республики Таджикистан Ю.Я. Якубова исследовал Калаи Кухна (Карон) в 2012–2014 гг. Среди публикаций, посвященных памятнику, в настоящее время можно назвать описания памятника в журнале “Археологические работы в Таджикистане”, в которые включены интерпретации Ю.Я. Якубова и его датировки отдельных объектов (Якубов, 2016, 2019, 2020; Якубов и др., 2017), а также несколько статей об интерпретации и датировках объектов, условно названных в процессе раскопок “Панчманор” и “Айванный дом”, о монетных находках и предполагаемых строительных периодах на памятнике (Никитин, Смирнова, 2017, 2019; Смирнова, 2020).

Среди участников раскопок существуют разногласия относительно датировки памятника и отдельных объектов на нем. Ю.Я. Якубов предположил, что объект “Панчманор” мог быть заложен в кушанское время (Якубов, 2016. С. 151), фрагмент чаши из “Красного зала” Ю.Я. Якубов датировал VI–V вв. до н.э. (Якубов, 2019. С. 294). Мы же на основании анализа слоев на городище и нашей интерпретации “Панчманора” (мусульманской мечети-усыпальницы) и “Айванного дома” (мусульманский мавзолей) и их датировки предполагаем, что основные сохранившиеся объекты на памятнике, расчищенные в 2012–2014 гг., возведены не ранее конца XIV в. Исключение составляют привратная башня, тянущаяся от нее по линии З–В терраса из крупных камней, и стена вдоль восточного обрыва (рис. 1, 9, 11) (Никитин, Смирнова, 2017, 2019; Смирнова, 2020). В перечень объектов, найденных на памятнике и относящихся к позднему периоду его обживания, входят дворец на вершине южного холма, мавзолей “Айванный дом”, винодавильня, лестница в комплексе террас, “Красный зал” и мечеть-усыпальница “Панчманор”, окруженная системой террас.

Верхняя дата обживания этой территории не совсем ясна. В.В. Бартольд приводит сведения Махмуда бен Вали (первая половина XVII в.), что

Рис. 1. План городища Калаи-Кухна (архитектор Е. Буклаева, 2014 г.). Обозначения: 1 – лестница; 2 – закрытый сад; 3 – террасы; 4 – красный зал; 5 – винодельня; 6 – угловая башня; мечеть-успальница “Панчманор”; 8 – мавзолей “Айванный дом”; 9 – входная башня; 10 – дворец; 11 – стена.

Fig. 1. Plan of the fortified settlement of Kala-i Kukhna (architect E. Buklaeva, 2014)

“только в 1047 г.х. (1637–1638 гг.) узбекам первый раз подчинилась крепость в области Хутгалиян, Калаи-Хум (Кала-и-Хумб, главный город Дарваза). Во главе узбеков был Бакы-аталак из рода ойратов; владетель Шах-Гариб был убит, и его голова была отправлена в Бухару; вместо него был назначен, очевидно, в качестве вассала узбеков, его брат Шах-Кыргыз, с малых лет живший при узбекском дворе в Балхе” (Бартольд, 1963. С. 464). К сожалению, полного перевода всего текста “Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар” на русский

язык нет. Рукописи с частями текста хранятся в Узбекистане, в Санкт-Петербурге в Институте Восточных рукописей АН и в India Office в Лондоне (Махмуд бен Вали, 1969. С. 323, 324). Сведения, приведенные В.В. Бартольдом, а также следы пожара в “Айванном доме” и “Красном зале” позволяют предположить, что либо к началу XVII в., либо в 30-е годы XVII в. Калаи-Кухна (Карон) был разрушен и заброшен, а жители переехали в Калаи Хумб.

Письменных источников по истории средневекового Дарваза у нас немного. Самое раннее упоминание названия “Дарваз” найдено в рукописи Абд-ар-раззак Самарканди (1413–1482 гг.) в рассказе о событиях, относящихся к 784 г.х. (1381 г.), когда в осаде Келата Тимуром участвовали войска из Каратегина, Дарваза и Бадахшана (Кисляков, 1941. С. 56, 57). На русский язык фрагмент рукописи, относящийся к этим событиям, не переведен (Абд-ар-раззак Самарканди, 1941. С. 191). Больше всего сведений о Дарвазе можно найти в первой части рукописи “История Бадахшана”, написанной Санг-Мухаммад Бадахши в 1809 г., но самые ранние события, связанные с Дарвазом и упомянутые в нем, относятся к 1650-м годам (Та’рих-и бадахшан, 1997).

В настоящее время о политической жизни Дарваза известно, что в начале XVI в. Дарваз был вовлечен в ожесточенную борьбу между узбеками и Тимуридами за контроль над Средней Азией. Власть над Дарвазом, а также над Бадахшаном несколько раз переходила из рук в руки до окончательной победы узбеков в 913 г.х. (1507 г.) (Ахмедов, 1982. С. 61, 73, 108, 109). Тем не менее похоже, что такой внешний контроль был лишь номинальным и северная часть Дарваза оставалась полностью независимой (Кисляков, 1945. С. 88, 89), чему способствовали относительная изоляция этой части Дарваза, отсутствие минеральных ресурсов и низкие урожаи в сельском хозяйстве. Примерно в середине XVII в. узбеки были изгнаны и была создана независимая династия с титулом “шах-и-Дарваз”. В то же время Яриды взяли под контроль Бадахшан в 1067 г.х. (1657 г.). После этого правители Бадахшана со столицей в Файзабаде стали основными соперниками Дарваз-шахов. Главными городами Дарваза были Кам и, дальше на севере, столица Калаи-Хумб, оба на берегу Пянджа (Grevemeier, 1994).

Настоящая статья посвящена краткому описанию, интерпретации и предложению более точной, чем XIV–XVII вв., датировки создания системы террас, которые занимают значительную часть площади городища и окружающих его склонов, а также связанных непосредственно с ними построек.

На основании встроенной в одну из террас винодавильни, а также наблюдений в ближайших к памятнику кишлаках мы предполагаем, что это садовые террасы, которые формируют два сада — открытый и закрытый.

Сады XV–XVII вв. Самой ранней обобщающей публикацией по среднеазиатскому садоводству тимуридского времени, написанной на материале археологических исследований, была статья Г.А. Пугаченковой (1951). Автор приводит сведения о 14 известных садах Самарканда, большая часть которых заложена при Тимуре; около 20 са-

дах Герата; садах при мавзолеях в Шахрисябзе, Туркестане и др.

Сады не возникали стихийно, у них была четкая планировка, а к их созданию привлекались приглашенные мастера. Как правило, в плане они представляли собой квадрат или прямоугольник. В Тимуридское время их обязательно обносили невысокой стеной. Нередко стена архитектурно оформлялась и украшалась изразцами. В Багидилькуша углы фланкировались башнями-голубятнями, из которых открывалась прекрасная воздушная перспектива. Традиционно мусульманский сад — чор-баг — делился на четыре части осями, ориентированными по сторонам света. Внутри этих частей допускалось свободное расположение зелени — плодовых и обычных деревьев, цветов, душистых трав и т.п., подбору и сочетанию которых уделялось особое внимание. В садах строили различные легкие павильоны, парадные и интимные дворцы.

Существовал и иной вид сада с возвышенным рельефом, отличающийся террасообразным построением площадок, но с сохранением той же главной оси, завершаемой дворцом. Такова была планировка сада Улугбека, исследованного в 1941 г. и упомянутого Бабуром Чар-бага Дервиш-Мухаммад Тархана; аналогичную планировку Г.А. Пугаченкова отмечает у одного из садов Бабура в Кабуле. Террасная планировка сада была использована в иранских садах XVII в. — Хазар-Джериб Шах-Аббаса в Исфахане; начатый при Шах-Аббасе сад в Ашрзфе, разбитый на семи уступах; Баги-Тахт в Ширазе; сад Хусейн-хана в Хойе и др.

Так же была развита традиция возведения надмогильных сооружений в саду. В качестве примера подобных построек, помимо прочих, Г.А. Пугаченкова приводит сад, распланированный Алишером Навои в Герате, называя его кульминацией феодальной садово-парковой архитектуры. В саду находились мавзолей, мечеть Кудисия, медресе, ханака, баня, больница (Пугаченкова, 1951).

Несколько общих слов посвящены садово-парковым комплексам Средней Азии в диссертациях М. Юсуповой (2000. С. 189–195), выявившей также несколько садов XVI–XVII вв., и Ахмада Тонди (2003. С. 50, 51), которые мало что добавили к разработкам Г.А. Пугаченковой и других исследователей.

Наработки Г.А. Пугаченковой использовал М. Бернардини, сравнивая сады Самарканда и Герата. По его мнению, модель, разработанная во времена Тимура и его преемников, в более позднее время имела успех как в сефевидском Иране, так и в могольской Индии (Bernardini, 1995. S. 237).

Хотя тип тимуридского сада и был перенесен Бабуром в Индию, тем не менее климат этой стра-

ны, в частности малое количество проточной воды, повлиял на его планировку. Сохранились основные элементы — чор-баг (четырёхугольный партер) и каналы, которую создают формальную геометрическую сетку, но добавилась системы искусственных террас и неравномерность уровней между элементами сетки и клумбами, которые они окружают (Dickie, 1985. P. 128, 129). Наиболее приближенный к тимуридскому оригиналу индийский чахар-баг встречается разве только в Кашмире, где, как в Герате или Средней Азии, достаточно холодно зимой и существует гористый рельеф (Суворова, 2009. С. 31).

Сады в мусульманских странах ассоциировались с раем. Композиция чор-баг также полностью соответствует всем признакам сада в Коране (Назмиева, 2008; Рахимов, Файзуллаева, 2017). Именно поэтому в описаниях параметров идеального исламского райского сада исследователи часто обращаются к письменным и изобразительным памятникам (предметы средневекового декоративно-прикладного искусства, изобразительный материал, текстиль, монументально-декоративное искусство и т.п.).

В частности, К.Д. Рахимов и Н.Н. Файзуллаева предложили дробную типологию идеального сада (Рахимов, Файзуллаева, 2017). Ими выявлено четыре типа планировочных композиций таких дворцово-садовых комплексов: рельефные; равнинные; пейзажные свободной планировки; линейные.

К рельефному типу композиций, наиболее интересному для нас, относятся два вида. Один из них — главное здание дворца на поверхности рельефа с бассейном внизу, посередине чор-баг, вдоль главной оси — водный каскад. Территория сада огорожена стенами. Вода поднимается на поверхность холма с помощью водяной мельницы. Другой — планировочная композиция симметрично-центрического характера; садовый комплекс раскинут между холмами на небольшой ровной площадке. Главное здание садового ансамбля размещено в виде доминанты по центру четырехугольного партера. Доминанта разбивает четырехугольный партер еще на четыре маленьких квадрата.

Два вида равнинного типа композиции повторяют рельефный тип, но на ровной площадке. Третий вид — это планировочная композиция садового комплекса симметрично-центрического характера дворового садика частного традиционного жилого дома. Четырёхугольный партер чор-баг располагался у главного здания жилища — традиционного парадного вида айвана. Небольшой хауз четырехугольной формы — доминанта по центру четырехугольного партера. Во всех трех случаях главными элементами объемно-планировочного решения были дворец (дом), четырех-

сторонний партер и бассейн. Как правило, все они располагались на единой главной оси.

Пейзажный тип композиции был трех видов: свободного объемно-пространственного планировочного решения естественного происхождения; также свободного композиционно-планировочного решения, но созданный по предварительно и заранее продуманной идее; пейзажно-регулярный, или садовый комплекс “смешанных композиций”. Последний вид — композиции свободной планировки, смешанные с регулярными садами строго симметричной планировки “чор-баг”, имеющие при этом четкие границы между собой.

Линейный тип композиции садовых объектов представлен хиябанами — уличными аллеями, которые нашли себе применение особенно в период Тимуридов (Рахимов, Файзуллаева, 2017. С. 91–98).

Говорить о хронологическом развитии типов тимуридского сада довольно сложно. Скорее можно увидеть, как создатели садов применяют весь опыт своих предшественников в рамках решения практических задач в каждом конкретном случае. Это важно отметить в рамках хронологии рассматриваемого памятника (XIV—начало XVII в.), поэтому дарвазские садовые террасы первой половины этого периода (конец XIV—XV в.) можно сопоставлять с садами Средней Азии и Афганистана, второй (XVI—начало XVII в.) — с могольскими садами Индии.

Описание террас. В контексте комплекса Калаи Кухна под “террасой” понимается горизонтальная земляная площадка, вертикальный откос которой облицован камнями с плоской гранью. Почти вся площадь памятника оформлена террасами разной высоты. Следы их можно наблюдать и на склонах вокруг городища. Анализ системы террас позволяет функционально разделить нижнюю часть памятника на две части — жилую, относящуюся к дворцу (закрытый комплекс с красным залом и лестницей) и мемориально-парковую, сформированную вокруг мечети-усыпальницы “Панчманор” и включающую мавзолей “Айванный дом” (рис. 1).

Часть террас — закрытый блок террас — расположен к западу от дворцового холма, представляет собой самостоятельный объект (рис. 1, 2; 2). Это большой котлован размерами 74 × 46 м и глубиной около 7–8 м. Стены котлована (откосы террас) оформлены небольшими круглыми полуколоннами — полукруглый земляной выступ в откосе, облицованный камнем. Внутри расположены три параллельные друг другу низкие разной ширины террасы, которые хорошо читались на поверхности и до раскопок. К нашему приезду в 2014 г. котлован уже был вычищен крупной техникой, а северная стена террасы к востоку от

красного зала зимой 2013/2014 г. обвалилась и была отстроена заново с искажением от первоначального плана в 0,5 м. Насколько высота внутренних террас в котловане соответствует нынешнему виду котлована, не ясно. Мы имели возможность наблюдать и частично участвовать лишь в расчистке жилого помещения, из-за цвета обгоревших после пожара стен условно названного “красный зал”, который находится в северо-западном углу (рис. 1, 4). Рядом с красным залом были видны выложенные камнем канавки и другие конструкции, поверх которых после раскопок была возведена сцена в ахеменидском стиле, на которой давали концерт в честь приезда президента Таджикистана.

В юго-западной части закрытого блока террас расположен комплекс из построек лестницы (рис. 1, 1; 3). Попасть на территорию котлована с террасами можно было только через лестницу. Лестничный комплекс состоит из коридора с семью ступеньками-площадками, вдоль южной стены которого тянется узкая суфа. На нижней площадке над суфой в стена расчищена ниша. С этой площадки ведет проход в прямоугольное помещение с тремя широкими суфами одинакового уровня и небольшой трехступенчатый спуск собственнo в сад. Общая длина построек — 25,3 м. По-видимому, первоначально жилым помещением в этом саду было только помещение с тремя суфами в комплексе лестницы.

Красный зал расположен в северо-западном углу котлована. Он представляет собой жилое помещение с типичными для памирских домов разноуровневыми суфами (рис. 1, 4). Помещение было пристроено к боковой стене котлована позже. Кладка его отличается от выкладки стен котлована, а также от стен мавзолея “Айванный дом” и мечети-усыпальницы “Панчманор” и сходна с кладкой стен дворца. Судя по отчету Ю.Я. Якубова, террасы и красный зал частично перекрывают какие-то более ранние помещения, расчищенные в 2016 г. (Якубов, 2020. С.192). Красный зал и дворец, расположенный выше на 110 м, мы относим к третьему строительному периоду городища (Никитин, Смирнова, 2019). Вокруг котлована, на склонах горы читаются следы еще нескольких террас.

В соответствии с типологией, предложенной К.Д. Рахимовым и Н.Н. Файзуллаевой, закрытый комплекс террас с красным залом и лестницей максимально близок к третьему виду “равнинного” типа композиции сада, характерному для частных домов. Жилое помещение в комплексе лестницы, очень низкие ступени широких параллельных террас, доминирующее углубление в центре, где была зачищена квадратная каменная выкладка (хауз? фундамент павильона?), замкнутость и высота стен, окружающих весь комплекс,

указывают на некоторую интимность этого сада. Но все же этот садовый комплекс не соответствует классическому чор-багу. Очень отдаленно своим параллельным расположением террас и полуколоннами, украшающими стены, он напоминает сады Бабура в Кабуле, однако здесь нет центрального канала или аллеи, симметрично действующей сад.

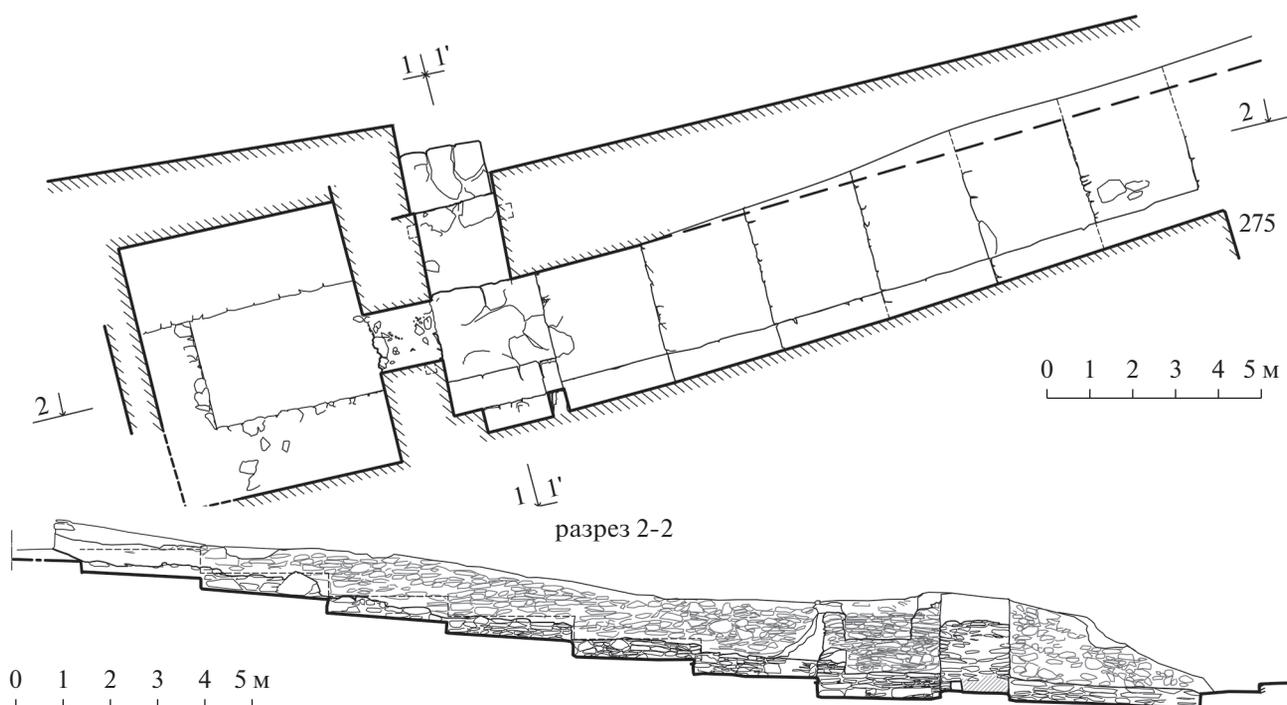
Остатки открытого сада состоят из системы террас вокруг “Панчманора”, размерами 106 × 62 м, большого поля (250 × 60 м) и системы террас, имитирующих фортификацию с юга большого поля. Высота сохранившихся “фортификационных” террас — от 5 до 8 м (рис. 1, 4, 5). С севера сад, по-видимому, ограничивали древние террасы из крупного камня, тянувшиеся от входной башни (рис. 1, 9).

В этом саду расположена винодавильня, ее конструкция вытянута по линии З–В. Южная сторона частично снесена бульдозером во время работ по благоустройству территории городища осенью 2013 г. На панорамной фотографии, сделанной в 2013 г. до разрушения объекта, видно, что холм с винодельней был Г-образной формы, т.е. вся конструкция, вероятно, была такой же. Общая длина остатков винодельни — 12,8 м, ширина — 4 м. Частично сохранились четыре площадки, все они несколько различаются по конструкции и разделены либо высотой уровня выкладки, либо стеночками. Однако, судя по всему, они сделаны одновременно. Признаки их возможной одновременности не найдены. Расчищен давильный пресс; фрагмент прессы, отколотый бульдозером, поставлен на место и прикреплен цементом к основной части прессы; найдено также три куса прессов или чанов для давления винограда. Один из них, со следами мха, вероятно, лежал на поверхности земли; второй — отколот бульдозером, вероятно, от прессы, находившегося в снесенной части; место находки третьего куска не известно (рис. 6).

Систему террас формировали вокруг “Панчманора”, вероятно, из земли, извлеченной из котлована при создании закрытого сада (не менее 23 тыс. м³). Возможно, тогда же повело стены “Панчманора”, поэтому были сделаны заклады в его арках и уровень земли вокруг него был поднят на 1,5 м, что можно увидеть в графической фиксации западного фасада “Панчманора”, опубликованной в посвященной ему статье (Смирнова, 2020. С. 178. Рис. 4). В 2019 г. у северного фасада и в нем “Панчманора” частично расчищена система кубуров — составных керамических труб для подачи воды. От “Панчманора” к востоку в сторону большого поля, расположенного вдоль “фортификационных” террас, ведет лестница из нескольких ступенек (рис. 7).

Рис. 2. Вид с юго-востока на закрытый сад до раскопок, 2013 г.
Fig. 2. View of the walled garden from the southeast before excavations, 2013

Рис. 3. План и разрез лестницы, ведущей в закрытый сад (архитектор Е. Буклаева, 2014 г.).
Fig. 3. Plan and cross-section of the stairs leading to the walled garden (architect E. Buklaeva, 2014)

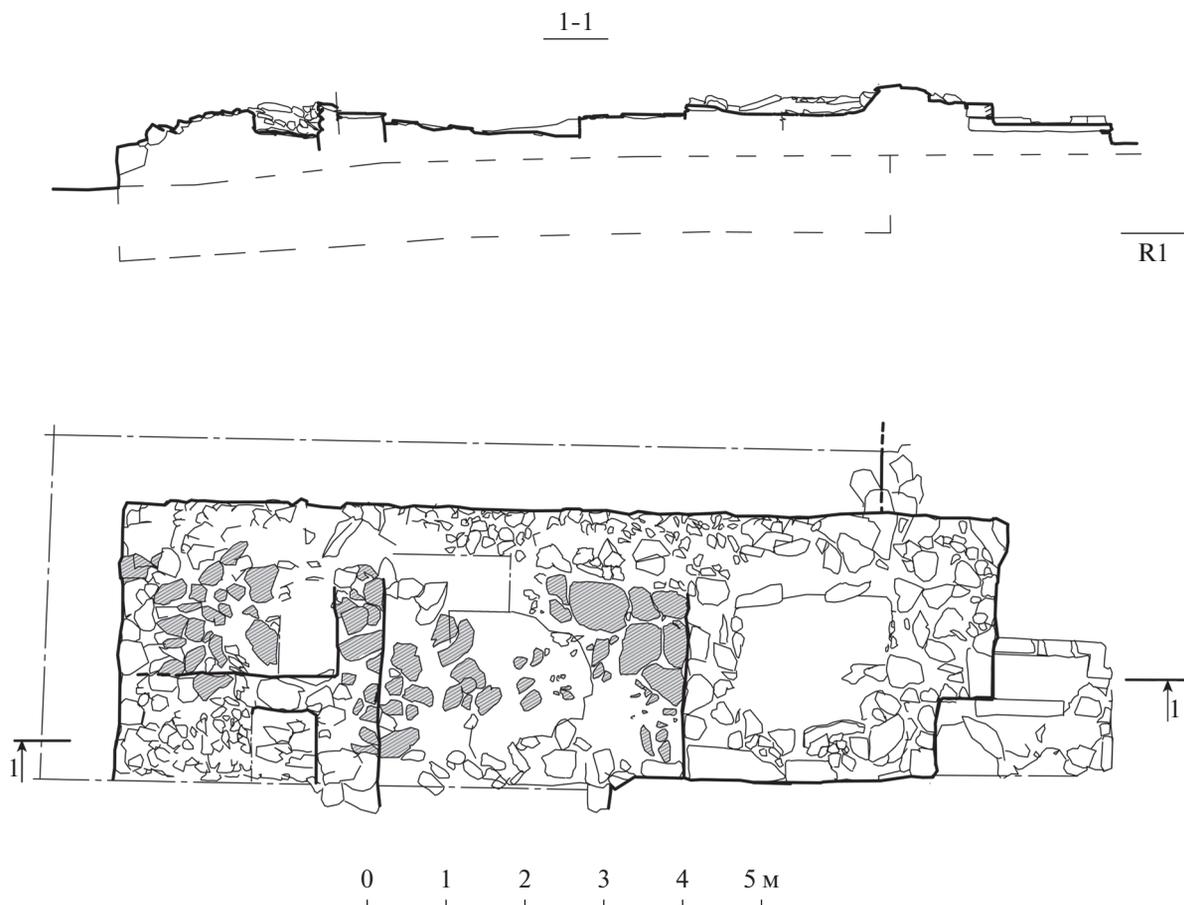
Рис. 4. Общий вид с юга на городище Калаи-Кухна до зачистки садовых террас, 2013 г.

Fig. 4. General view of the Kala-i Kukhna fortified settlement from the south before cleaning garden terraces, 2013

Рис. 5. Общий вид с юга на городище Калаи-Кухна после зачистки садовых террас в 2014 г.

Fig. 5. General view of the Kala-i Kukhna fortified settlement from the south after cleaning garden terraces in 2014

Рис. 6. План и разрез остатков винодавильни (архитектор Е. Буклаева, 2014 г.). Обозначение: R1 – уровень репера (нулевой отметки) 1.

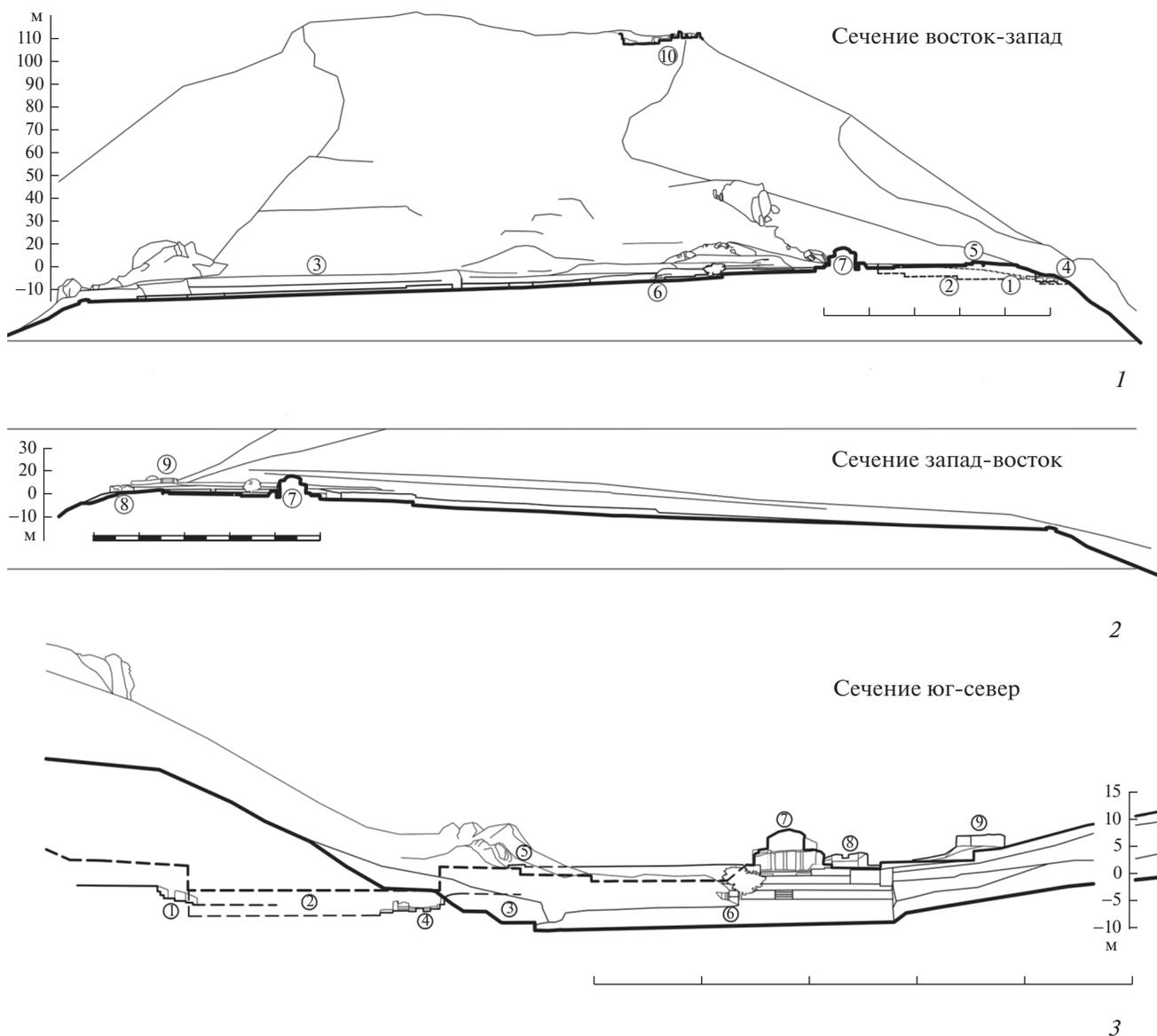
Fig. 6. Plan and cross-section of the wine press remains (architect E. Buklaeva, 2014)

Мавзольей “Айванный дом” никак не связан с каменными выкладками террас, по грунту тоже не было возможности это проследить, можно лишь отметить, что в какой-то момент проход в полуподземное помещение мавзолея был заложен (Никитин, Смирнова, 2017).

Открытый сад в рамках типологии К.Д. Рахимова и Н.Н. Файзуллаевой, скорее всего, соответствует второму виду рельефного типа композиции сада симметрично-центрического характера. Доминирующий объект, возвышающийся над самой высокой террасой, не дворец, а мечеть-усыпальница “Панчманор”, что с учетом мавзолея “Айванный дом”, стоящего в северо-западном углу, делает этот сад мемориально-парковым комплексом. С восточной стороны от “Панчманора” к большому полю ведут ступеньки лестницы, которая, возможно, начинала центральную аллею или подходила к каналу, разделявшему большое поле на две части. Архитектурный разрез по линии В–З показывает уклон поверхности до 10 м. К сожалению, поверхность большого поля была в 2014 г. не один раз выровнена трактором,

да и в советское время на поле проводились пахотные работы. Однако если этот уклон не природный, то можно предположить, что на этом поле могла располагаться система садовых террас, подобных террасам в садах Бабура, или же раскинут сад равнинного типа композиции.

Наиболее зрелищная сохранившаяся система террас – вдоль южного края поля. Угол одной из террас, которая возвышалась над полем, был оформлен в виде башни (рис. 1, б), что могло быть той самой “башней с голубятнями”, о которых писала Г.А. Пугаченкова (см. выше). Подобного рода выступающий террасный угол, оформленный башней, можно увидеть в кашмирском Шалимар-баге (1633 г.) (Petruccioli, 1995. S. 253, 260). Далее к востоку расположена терраса, оформленная, словно крепость, контрфорсами (рис. 1, з; 8). Затем идет линия террас с двумя угловыми высокими террасами, между которыми расположены три длинных невысоких террасы. Аналогия такой сложной системы, сочетающей в себе несколько невысоких и высоких угловых террас,

Рис. 7. Разрезы (1–3) через городище Калаи-Кухна (архитектор Е. Буклаева, 2014 г.). Обозначения: 1 – лестница; 2 – закрытый сад; 3 – террасы; 4 – красный зал; 5 – винодельня; 6 – угловая башня; 7 – мечеть-усыпальница “Панчманор”; 8 – мавзолей “Айванный дом”; 9 – входная башня; 10 – дворец.

Fig. 7. Cross-sections (1–3) through the Kala-i Kukhna fortified settlement (architect E. Buklaeva, 2014)

можно увидеть в реконструкции Нишат-бага (1619 г.) в Кашмире (Petruccioli, 1995. S. 253).

Значение тимуридского и могольского садов как исторического источника. Выше уже отмечался масштаб работ, который был необходим для создания таких садов. Ландшафтный дизайн с конца XIV и до середины XVII в. – это сфера заботы правителя, что в глазах исследователей придает ему особое значение. Одни видят в тимуридских и могольских садах воплощение определенных религиозных и политических идей времени их создания, другие – отражение явлений, происходящих в обществе.

Некоторые взгляды исследователей связаны с теологическим термином “рай”, который в Коране обозначается словом “ал-Джанна” – сад, происходящим от арабского “джанн”, первичное значение которого – “укрывать” (Назмиева, 2008. С. 45). Райскую символику видят как в отдельных деталях сохранившихся садов, так и в общей концепции (Dickie, 1985. P. 131; Moynihan, 1988. P. 135, 142, 145; Bernardini, 1995. P. 246; Koch, 1997. P. 156, 157; Назмиева, 2008. С. 47; Суворова, 2009. С. 31; Козлова, 2017. С. 47; Рахимов, Файзуллаева, 2017). “Как земное воплощение рая, сад олицетворяет собой весь мир – видимый и невидимый”.

Рис. 8. Вид на южные террасы открытого сада в 2013 г.
Fig. 8. View of the southern terraces of the open garden in 2013

димый... Сад становился моделью, образцом космоса и социума...” (Суворова, 2009. С. 29).

Д. Уилбер полагал, что тимуридский сад отражал одну из сохранившихся традиций умирающего в Азии кочевого образа жизни (Wilber, 1979. P. 128). М. Бернардини тоже видит в садах компромисс между кочевой и оседлой сторонами иранской культуры. По его мнению, Тимур принял идею столицы, постоянной правительственной резиденции в Самарканде, но “кочевал” по периферии. В результате иранские сады стали лагерными площадками и, наконец, с ростом числа палаток приняли вид, отличающий их от типа традиционного иранского сада. Кочевой элемент слился с иранской оседлостью, и сад тимуридов превратился в агрокультурный комплекс с системой орошения и производства плодовой продукции (Bernardini. 1995. S. 244). Л. Голомбек также отмечает функцию сада как лагеря, который при монголах не только служил практической цели, но и был предпочтительным местом для важных церемоний и праздников, и поскольку такова была практика, и практика со временем превратилась в традицию (Golombek, 1995. P. 141).

Интересна точка зрения Л. Голомбек на повод, по которым Тимур строил сады в Самарканде. Опираясь на письменные источники о жизни и

передвижениях Тимура, она предполагает, что он строил сады по случаю бракосочетаний, в основном своих, и в одном случае своего внука. История каждого сада тесно связана с историей женщины, которая в нем жила (Golombek, 1995. P. 143–145).

Сходство в образе жизни Тимура можно найти в действиях его потомка Бабура 100 лет спустя. Основатель Могольской империи также предпочитал сады дворцам. Он строил свои сады в Индии вне цитаделей или крепостных дворцов домогольских правителей в сознательной оппозиции к ним, как символы присвоения земли и знаки территориального контроля (Moynihan, 1988. P. 136, 137; Wescoat, 1991; Koch, 1997. P. 143; Суворова, 2009. С. 28; Козлова, 2017. С. 47, 48).

Потомки Бабура строили сады во дворцах, а позже сам дворец задумывали как сад, становившийся непосредственным воплощением самого Великого Могола (Koch, 1997. P. 153–159). В конце XVII – начале XVIII в. сады в Индии переходят в сферу заботы женщин правящей семьи, превращаясь в места развлечений и праздного времяпровождения (Koch, 1997. P. 147; Козлова, 2017. С. 55).

Датировка садовых террас. Создание комплекса садов соответствует второму строительному

периоду мечети-усыпальницы “Панчманор”, когда были сделаны заклады в его арках и лестнице. Сам “Панчманор” по комплексу признаков был датирован нами в широких пределах – концом XIV–XV в. Однако аналогии основному признаку “Панчманора” – композиции фасада – можно отнести к периоду между 1430–1469 гг. (Смирнова, 2020. С. 183). Основываясь на этих археологических данных, будет наиболее корректно отнести самое раннее время создания садов к рубежу XV–XVI вв. Некоторые прямые аналогии остаткам дарвазского сада (башни и “фортификационным” террасы) в Кашмире указывают на начало XVII в. Однако датировать сады Калаи Кухна началом XVII в. не позволяет предполагаемое время разрушения памятника. Создание здесь комплекса садов совпадает с отмеченным Дж. Гревемейером появлением в Дарвазе узбеков в начале XVI в. (Grevemeyer, 1994), и, по всей видимости, садовые террасы на памятнике можно датировать XVI в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абд-ар-раззак Самарканди.* Из “Места восхода двух счастливых звезд и места слияния двух морей” // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным / Отв. ред. П.П. Иванов. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 190–201.
- Ахмедов Б.Б.* История Балха (XVI – первая половина XVIII в.). Ташкент: Фан, 1982. 296 с.
- Бартольд В.В.* Таджики // Бартольд В.В. Сочинения. Т. II, ч. 1. М.: Восточная литература, 1963. С. 451–473.
- Камалиддинов Ш.* Историческая география Южного Согда и Тохаристана по арабоязычным источникам IX – начала XIII в. Ташкент: Узбекистон, 1996. 422 с.
- Кисляков Н.А.* Очерки по истории Каратегина. Сталинабад; Ленинград: Госиздат Таджикской ССР, 1941. 240 с.
- Кисляков Н.А.* История Каратегина, Дарваза и Бадахшана // Материалы по истории таджиков и Таджикистана. Сб. 1. Сталинабад, 1945. С. 71–113.
- Козлова А.А.* Садово-архитектурные комплексы как индикатор состояния Могольской империи // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2017. № 3. С. 46–60.
- Махмуд бен Вали.* Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар // Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата: Наука, 1969. С. 320–368.
- Назмиева А.А.* Исламский сад в мировой истории архитектуры // Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета. 2008. № 1 (9). С. 45–50.
- Никитин А.Б., Смирнова Л.О.* О редком образце мусульманской архитектуры в Дарвазе // Проблемы археологии и истории Таджикистана / Отв. ред. Г.Р. Каримова. Душанбе: Дониш, 2017. С. 94–102.
- Никитин А.Б., Смирнова Л.О.* Нумизматические находки с городища Калаи Кухна (Каррон) и проблема датировки сохранившихся архитектурных сооружений // Краткие сообщения Института археологии. 2019. Вып. 255. С. 359–366.
- Пугаченкова Г.А.* Садово-парковое искусство Средней Азии в эпоху Тимура и Тимуридов // Труды Среднеазиатского государственного университета. Вып. XXIII, кн. 4. Ташкент, 1951. С. 143–168.
- Рахимов К.Д., Файзуллаева Н.Н.* Ландшафтное зодчество Мавераннахра в эпоху Амира Темура // Вестник Международного института Центральноазиатских исследований. Самарканд, 2017. Т. 25. С. 77–107.
- Смирнова Л.О.* Архитектурный объект “Панчманор” на средневековом городище Калаи Кухна (Карон) в Дарвазе // Российская археология. 2020. № 3. С. 173–188.
- Суворова А.А.* Могольские сады: образ рая, символ власти // Восток (ORIENT). 2009. № 6. С. 28–38.
- Та’рих-и бадахшан (История Бадахшана): факс. рукоп. / Изд. текста, пер. с перс. А.Н. Болдырева при участии С.Е. Григорьева; введ. А.Н. Болдырева, С.Е. Григорьева; примеч. и прил. С.Е. Григорьева. М.: Восточная литература, 1997. 141, 1, 248 с.
- Тонди А.* Архитектурный декор Средней Азии эпохи Тимуридов: дис. ... канд. искусствоведения. М., 2003. 205 с.
- Юсупова М.* Бухарская школа зодчества XV–XVII вв. (особенности и динамика развития): дис. ... д-ра архитектуры. Ташкент, 2000. 327 с.
- Якубов Ю.Я.* Результаты работ Дарвазского археологического отряда на городище Калаи Кухна за 2012 г. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. 38. Душанбе, 2016. С. 145–181.
- Якубов Ю.Я.* Археологические работы на городище Карон в Дарвазе // Археологические работы в Таджикистане. Вып. 40. Душанбе, 2019. С. 290–302.
- Якубов Ю.Я.* Отчет Дарвазского археологического отряда о работах в Кароне в 2016 г. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. 41. Душанбе, 2020. С. 190–193.
- Якубов Ю., Смирнова Л., Никитин А.* Результаты работ Дарвазского археологического отряда на городище Калаи Кухна (Карон) в 2013 г. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. 39. Душанбе, 2017. С. 157–183.
- Bernardini M.* Die Gärten von Samarkand und Herat // Der islamische Gärten: Architektur, Natur, Landschaft. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1995. S. 237–248.
- Dickie J. (Yaqub Zaki).* The Mughal Garden: Gateway to Paradise // Muqarnas. 1985. V. 3. P. 128–137.
- Golombek L.* The Gardens of Timur: New Perspectives // Muqarnas. 1995. V. 12. P. 137–147.
- Grevemeyer J.-H.* Darvāz [Электронный ресурс] // Encyclopedia Iranica. 1994. URL: <https://iranicaonline.org/articles/darvaz> (дата обращения: 14.01.2021).
- Koch E.* Mughal Palace Gardens from Babur to Shah Jahan (1526–1648) // Muqarnas. 1997. V. 14. P. 143–165.

- Moynihan E.B.* The Lotus Garden Palace of Zahir al-Din Muhammad Babur // *Muqarnas*. 1988. V. 5. P. 135–152.
- Petruccioli A.* Die Gärten der Mogul in Kaschmir // *Der islamische Gärten: Architektur, Natur, Landschaft*. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1995. S. 249–266.
- Wescoat J.L. Jr.* Landscapes of Conquest and Transformation: Lessons from the Earliest Mughal Gardens in India, 1526–1530 // *Landscape Journal*. 1991. V. 10. № 2. P. 105–114.
- Wilber D.N.* The Timurid Court: Life in Gardens and Tents // *Iran*. 1979. V. 17. P. 127–133.

GARDEN TERRACES FROM THE TURN OF THE 15th–16th CENTURIES IN DARWAZ, TAJIKISTAN

Larisa O. Smirnova^{a,#}

^a *The State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia*

[#] *E-mail: smirnova@hermitage.ru*

The site of Kala-i Kukhna (Karron) in South Tajikistan was investigated by the Darwaz archaeological team under Yu.Ya. Yakubov in 2012–2014. A significant part of the location flanked by hills with terraces in the north and south presents the remains of a medieval terrace park surrounding the following structures: the central mausoleum (Panjmanor), one more mausoleum (the *aiwan* building) by the western border, a palace at the top of the southern hill, the lower garden surrounded by stone walls with a staircase down to it, and a winery with stone wine-press near the garden. Individual finds, including coins, allow suggesting that the area was inhabited from the first centuries AD. In general, the park terraces were dated to the upper period of the site functioning; judging by the architectural features of the surviving structures the earliest date of their creation can be the turn of the 15th–16th centuries or the early 16th century AD. The Darwaz terrace park has much in common with contemporary Timurid and Great Mughal gardens.

Keywords: Darwaz, Kala-i Kukhna (Karron), Timurid garden, Mughal garden, chor-bag.

REFERENCES

- Abd-ar-razzak Samarkandi*, 1941. From The Rising of the Auspicious Twin Stars, and the Confluence of the Oceans. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy ordy [Collection of materials relating to the history of the Golden Horde]*, II. *Izvyecheniya iz persidskikh sochineniy, sobrannyye V.G. Tizengauzenom i obrabotannyye A.A. Romaskevichem i S.L. Volinym [Excerpts from Persian writings collected by V.G. Tizengauzen and edited by A.A. Romaskevich and S.L. Volin]*. P.P. Ivanov, ed. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, pp. 190–201. (In Russ.)
- Akhmedov B.B., 1982. Istoriya Balkha (XVI – pervaya polovina XVIII v.) [History of Balkh (16th – first half of the 18th centuries AD)]. Tashkent: Fan. 296 p.
- Bartol'd V.V.*, 1963. Tajiks. *Bartol'd V.V. Sochineniya [Works]*, vol. II, part 1. Moscow: Vostochnaya literatura, pp. 451–473. (In Russ.)
- Bernardini M.*, 1995. Die Gärten von Samarkand und Herat. *Der islamische Gärten: Architektur, Natur, Landschaft*. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, pp. 237–248.
- Dickie J. (Yaqub Zaki)*, 1985. The Mughal Garden: Gateway to Paradise. *Muqarnas*, 3, pp. 128–137.
- Golombek L.*, 1995. The Gardens of Timur: New Perspectives. *Muqarnas*, 12, pp. 137–147.
- Grevemeyer J.-H.*, 1994. Darvāz (Electronic resource). *Encyclopedia Iranica*. URL: <https://iranicaonline.org/articles/darvaz>.
- Kamaliddinov Sh.*, 1996. Istoricheskaya geografiya Yuzhno-go Sogda i Tokharistana po araboyazychnym istochnikam IX – nachala XIII v. [Historical geography of Southern Sogd and Tokharistan based on Arabic sources of the 9th – early 13th centuries AD]. Tashkent: Uzbekiston. 422 p.
- Kislyakov N.A.*, 1941. Ocherki po istorii Karategina [Studies in the history of Karateghin]. Stalinabad; Leningrad: Gosizdat Tadzhikskoy SSR. 240 p.
- Kislyakov N.A.*, 1945. History of Karateghin, Darvaz and Badakhshan. *Materialy po istorii tadzhikov i Tadzhikistana [Materials on the history of Tajiks and Tajikistan]*, 1. Stalinabad, pp. 71–113. (In Russ.)
- Koch E.*, 1997. Mughal Palace Gardens from Babur to Shah Jahan (1526–1648). *Muqarnas*, 14, pp. 143–165.
- Kozlova A.A.*, 2017. Landscape gardening as an indicator of changes in the Mughal Empire. *Vestnik Moskovskogo universiteta [Moscow University Oriental Studies Bulletin]*, 3, pp. 46–60. (In Russ.)
- Makhmud ben Vali*, 1969. Bahr al-Asrar fi manaqib al-Akhyar. *Materialy po istorii kazakhskikh khanstv XV–XVIII vekov. (Izvyecheniya iz persidskikh i tyurkskikh sochineniy) [Materials on the history of the Kazakh khanates of the 15th–18th centuries AD (Extractions from Persian and Turkic writings)]*. Alma-Ata: Nauka, pp. 320–368. (In Russ.)
- Moynihan E.B.*, 1988. The Lotus Garden Palace of Zahir al-Din Muhammad Babur. *Muqarnas*, 5, pp. 135–152.
- Nazmiyeva A.A.*, 2008. Islamic garden in the world history of architecture. *Izvestiya Kazanskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta [News of Kazan State University of Architecture and Engineering]*, 1 (9), pp. 45–50. (In Russ.)
- Nikitin A.B., Smirnova L.O.*, 2017. A rare example of Muslim architecture in Darvaz. *Problemy arkheologii i istorii*

- Tadzhikistana [Issues of archaeology and history of Tajikistan]*. G.R. Karimova, ed. Dushanbe: Donish, pp. 94–102. (In Russ.)
- Nikitin A.B., Smirnova L.O., 2019. Numismatic finds from the settlement of Qalai Kuhna (Karron) and the problem of dating of preserved architectural structures. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief Communications of the Institute of Archaeology]*, 255, pp. 359–366. (In Russ.)
- Petrucchioli A., 1995. Die Gärten der Mogul in Kaschmir. *Der islamische Gärten: Architektur, Natur, Landschaft*. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, pp. 249–266.
- Pugachenkova G.A., 1951. The garden art of Central Asia in the era of Timur and the Timurids. *Trudy Sredneaziatskogo gosudarstvennogo universiteta [Proceedings of Central Asian State University]*, iss. XXIII, book 4. Tashkent, pp. 143–168. (In Russ.)
- Rakhimov K.D., Fayzullaeva N.N., 2017. Landscape architecture of Ma Wara an-Nahr in the era of Amir Temur. *Vestnik Mezhdunarodnogo instituta Tsentral'noaziatskikh issledovaniy [Bulletin of the International Institute for Central Asian Studies]*, 25. Samarkand, pp. 77–107. (In Russ.)
- Smirnova L.O., 2020. The structure of “Panjmanor” in the medieval fortified settlement of Kala-i Kukhna (Karron) in Darwaz. *Rossiyskaya arkheologiya [Russian archaeology]*, 3, pp. 173–188. (In Russ.)
- Suvorova A.A., 2009. Mughal gardens: an image of paradise, a symbol of power. *Vostok (ORIENTS) [Orient (ORIENTS)]*, 6, pp. 28–38. (In Russ.)
- Ta'rikh-i badakhshan (Istoriya Badakhshana): faksimile rukopisi [Ta'rikh-i Badakhshan (History of Badakhshan): facsimile of the manuscript]. A.N. Boldyrev, S.E. Grigor'ev, transl., eds. Moscow: Vostochnaya literatura, 1997. 141, 1, 248 p.
- Tondi A., 2003. Arkhitekturnyy dekor Sredney Azii epokhi Timuridov: dissertatsiya ... kandidata iskusstvovedeniya [Architectural decor of Central Asia during the Timurid era: the Thesis for a Doctoral Degree in Arts Studies]. Moscow. 205 p.
- Wescoat J.L. Jr., 1991. Landscapes of Conquest and Transformation: Lessons from the Earliest Mughal Gardens in India, 1526–1530. *Landscape Journal*, vol. 10, no. 2, pp. 105–114.
- Wilber D.N., 1979. The Timurid Court: Life in Gardens and Tents. *Iran*, 17, pp. 127–133.
- Yakubov Yu., Smirnova L., Nikitin A., 2017. Results of the works of the Darvaz archaeological team at the fortified settlement of Kala-i Kukhna (Karron) in 2013. *Arkheologicheskie raboty v Tadzhikistane [Archaeological works in Tajikistan]*, 39. Dushanbe, pp. 157–183. (In Russ.)
- Yakubov Yu. Ya., 2016. Results of the works of the Darvaz archaeological team at the fortified settlement of Kala-i Kukhna (Karron) in 2012. *Arkheologicheskie raboty v Tadzhikistane [Archaeological works in Tajikistan]*, 38. Dushanbe, pp. 145–181. (In Russ.)
- Yakubov Yu. Ya., 2019. Archaeological works at the fortified settlement of Karron in Darvaz. *Arkheologicheskie raboty v Tadzhikistane [Archaeological works in Tajikistan]*, 40. Dushanbe, pp. 290–302. (In Russ.)
- Yakubov Yu. Ya., 2020. Report of the Darvaz archaeological team on the works in Karron in 2016. *Arkheologicheskie raboty v Tadzhikistane [Archaeological works in Tajikistan]*, 41. Dushanbe, pp. 190–193. (In Russ.)
- Yusupova M., 2000. Bukharskaya shkola zodchestva XV–XVII vv. (osobennosti i dinamika razvitiya): dissertatsiya ... doktora arkhitektury [Bukhara school of architecture of the 15th–17th centuries AD. (Features and development): the Thesis for a Doctoral Degree in Architecture]. Tashkent. 327 p.